

Структурные метаморфозы политических процессов на пороге посткапиталистической эпохи: новые акторы, интеракции и феномены

Давид Армикович Айрапетян

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия,
ayrapetyan-da@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5192-7904>

Аннотация. Автор исследования обращается к особенностям структурных изменений в политических процессах в условиях межформационного перехода, обусловленного кризисом объективных капиталистических производственных отношений. На основе анализа динамической модели политического процесса Г. Алмонда и Дж. Пауэлла автор приходит к выводу, что современные политико-экономические преобразования уже не позволяют эффективно описывать структуру политического процесса с точки зрения устоявшихся теоретических моделей, построенных в эпоху стабильного экономического роста. Изменения в акторно-ресурсной основе политических процессов, генерирующие новых акторов и модернизирующие ресурсную базу политических интеракций, объясняются переходом к сетевым и горизонтальным форматам управления, рушащим капиталистические вертикали и иерархии. Автор выделяет новые виды политических акторов и ресурсов, а также предпринимает попытку описать тенденции их взаимодействия через призму экономико-технологических преобразований. Помимо этого, выдвигается предположение, что исследовать структуру политического процесса в современных условиях более логично с точки зрения акторно-сетевой теории, ориентированной на дескрипцию «сборок», учитывающих многофакторную и хаотичную природу политики.

Ключевые слова: структура политического процесса, политические акторы, интеракции, новые ресурсы политики, сетевизация, платформы, кризис капитализма, посткапитализм

Для цитирования: Айрапетян Д. А. Структурные метаморфозы политических процессов на пороге посткапиталистической эпохи: новые акторы, интеракции и феномены // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 2. С. 165–172. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-165-172>. EDN ALUJWJ

Politology and Ethnopolitics

Original article

Structural metamorphoses of political processes on the threshold of the post-capitalist era: new actors, interactions and phenomena

David A. Ayrapetyan

South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia,
ayrapetyan-da@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5192-7904>

Abstract. The author of the study addresses the peculiarities of structural changes in political processes in the context of an interformational transition caused by the crisis of objective capitalist production relations. Based on the analysis of the dynamic model of the political process by G. Almond and J. The author concludes that modern political and economic transformations no longer allow us to effectively describe the structure

of the political process from the point of view of established theoretical models built in the era of stable economic growth. Changes in the actor-resource base of political processes, generating new actors and modernizing the resource base of political interactions, are explained by the transition to network and horizontal management formats that destroy capitalist verticals and hierarchies. The author identifies new types of political actors and resources, and also attempts to describe the trends of their interaction through the prism of economic and technological transformations. In addition, it is suggested that it is more logical to study the structure of the political process in modern conditions from the point of view of actor-network theory, focused on the description of "assemblies" that take into account the multifactorial and chaotic nature of politics.

Keywords: the structure of the political process, political actors, interactions, new political resources, networking, platforms, the crisis of capitalism and post-capitalism

For citation: Ayrapetyan D. A. Structural metamorphoses of political processes on the threshold of the post-capitalist era: new actors, interactions and phenomena. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2024;(2):165–172. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-165-172>. EDN ALUJWJ

Капиталистическая система, как исторически обусловленный экономический конструкт и особый политический порядок современности, претерпевает серьезное кризисное разложение и демонстрирует неуклонную тенденцию к глобальной трансформации и перерождению в нечто иное, что не похоже на привычный нам капитализм. Нарастающие противоречия в соотношении эволюционирующих производительных сил и стагнирующих неолиберальных производственных отношений воздействуют на гомеостаз экономического конструкта, чей кризисный каркас влияет на политическую подсистему общества и процессы, протекающие в ней. Перспектива формирования новой общественно-экономической формации, возникающая сегодня, по мнению А. В. Бузгалина и А. И. Колганова [1], в сфере прогресса производительных сил и в пространстве противоречий капиталистических производственных отношений, обозначена философом Ю. В. Лоскутовым в качестве сложной теоретико-практической проблемы, так как при всей фиксации деструктивности капитализма, существующие ему альтернативы имеют далеко не очевидный характер [2]. Однако отрицать его терминальную стадию становится все сложнее и с точки зрения политической теории, так как зажатый между леволево-либеральной повесткой гипертolerантности, инклюзии и социального авангардизма и ностальгией по национализму и консервативным ценностям капитализм не справляется с политическими программами национальных правительств и требует серьезную смену образа. Поэтому говорить о посткапитализме – уже «не зазорно», а актуально и нужно [3].

Постепенное исчерпание капитализмом своих внутренних ресурсов ведет к порождению внутри экономики того, что в потенциале может изменить саму базовую основу общественного устройства. Ведь неспроста, как считает политолог Д. А. Давыдов, переход к новым общественно-экономическим формациям происходил через внутренние процессы-мутации (особенно через политические процессы), протекающие внутри еще прежних систем, но уже с намечающимися очертаниями будущего мира [4]. Сегодня мы отчетливо наблюдаем, как масштабные преобразования в социально-экономической и технологической сферах происходят параллельно структурной трансформации политических процессов повсеместно: от развитых постиндустриальных держав глобального Севера до вступающих в активную фазу индустриализации стран глобального Юга. Эти изменения, связанные с появлением новых акторов и ресурсов политики, не существующих ранее (или, в отдельных случаях, давно забытых) наборов интеракций, противоречивых структурно-функциональных феноменов заслуживают детального изучения и анализа, поскольку они могут существенно повлиять на дальнейшие траектории развития общества.

Отметим, что опора на посткапиталистические теории в качестве междисциплинарной методологии для проведения исследования обусловлена рядом соображений как теоретического, так и практического порядка. В плане теории – это рост количества научных публикаций, посвященных исследованию социально-политических и технико-экономических особенностей современной фазы капитализма и его недалекого будущего. В плане практики – это тяготение к тотальной автоматизации, росту сектора нематериального производства в мировой экономике, свободе от рутинного труда; это множасьее число социальных конфликтов, затрагивающих не только проблемы неравенства, но и экзистенциальные угрозы транс- и постгуманистической природы. Генерация новой системы, в которой власть материального капитала уменьшается относительно темпов и масштабов развития инфраструктуры для капитала нематериального, по мнению Дж. Хаскела и С. Уэйстлейка, требует решения сложных вопросов адаптации государственной политики [4], что, логично, вызывает изменение в структурных и институциональных метаморфозах политических процессов.

В данной статье мы остановимся на изучении структурных преобразований процессуальных аспектов современной политики, рассматривая их через набирающий популярность посткапиталистический фрейм. Не претендуя на всеобъемлющий характер исследования, мы постараемся предложить лишь некоторые из возможных изменений.

В самом общем плане классически устоявшаяся в политологии структура политического процесса может быть дескриптивно представлена через анализ акций (действий) и интеракций (взаимодействий) различных акторов политики, а также через выявление поэтапной (фазовой) динамики запущенных политических актов. Институционалисты, сторонники системного и структурно-функционального подхода, бихевиористы, рационалисты по-разному выделяют виды акторов и формы их взаимодействия, однако, в общем, все методологические оптики изучения политического процесса сводят его к дифференцирующимся на фазы интеракциям между акторами (будь в роли акторов политические системы, институты, группы давления, элиты, корпорации, социально-экономические классы, террористические сети, индивиды). Особенность процессу придает уже масштаб (макро- или микропроцесс) и влияние интросоциетальных (внутренних) и экстрасоциетальных (внешних) сред (если брать в качестве методологической основы универсальный системный подход Д. Истона [6]). В условиях второй половины XX и начала XXI столетий, когда политическая наука активно осваивала предметно-объектное поле политических изменений, теория политического процесса во многом опиралась на динамические модели, например, на модель Г. Алмонда и Дж. Пауэлла [7], выделивших этапы артикуляции и агрегирования интересов, разработки политического курса, реализации политических решений и контроля за их исполнением. Причем подобные динамические модели являются универсальными для истолкования структур любых политических процессов: от элитогенеза и электорального цикла до революций и геополитических конфликтов.

В целом, используемое сегодня понимание структуры политического процесса подчеркивает не только последовательность его фаз, но и взаимосвязь между различными этапами. Каждый из этих этапов связан с определенными функциями власти и реализацией политической воли граждан, что является краеугольным камнем демократии. Эта вертикальность, алгоритмичная иерархичность и корреспонденция с демократическими принципами становятся очевидными, когда, например, происходит законотворческий процесс или проводят выборы главы государства.

Но условия глобальных и перманентных экономических преобразований приводят к тому, что подобная структура претерпевает метаморфозу в силу изменения собственного форм-фактора. Классическая структура рассчитана на иерархическую конъюнктуру капиталистического общества с постоянным экономическим ростом, обеспечивающим доходы населения и увеличение среднего класса, от чего напрямую зависит демократизация, что ранее уже было обосновано политологом С. Липсетом [8]. Однако современные реалии отличаются от эпохи «золотого капитализма», когда создавались дескриптивные модели политических процессов. Во-первых, сама структура социума, ввиду бурного развития информационных технологий и цифровой инфраструктуры, все больше приобретает сетевой, ризоморфный форм-фактор, сетевизируя при этом и политику, внедряя, по мнению М. Кастельса [9], «проявленные» и «скрытые» сети межакторной интеракции, которые начинают противостоят привычным для капитализма иерархиям. При этом другой теоретик сетевого общества, Н. Фергюсон [10] сомневается, что «сетевые атаки» на устоявшиеся внутривнутриполитические иерархии, например, стран Ближнего Востока, Восточной Европы, Великобритании или США, несут исключительное благо. Сеть не всегда минимизирует политический контроль, она способна стать детерминантой его расширения. Но, так или иначе, изменение структурных иерархий на сетевые постепенно становится тенденцией, которую обеспечивает переход к новому способу производства – цифровому.

Во-вторых, по прогнозам ООН темпы глобального экономического роста в ближайшей перспективе стремительно замедлятся. Прогнозируется, что такие факторы, как высокие процентные ставки финансовых капиталистов, сокращение потребительских расходов в связи с неолиберальными режимами жесткой экономии, ухудшение ситуаций на локальных рынках труда, затруднения в открытии новых рынков приведут к тому, что, в среднем, в 2024 г. мировой экономический рост составит не более 2,4%, а в 2025 г., при благоприятных условиях, он будет равняться 2,7 %. При этом средний экономический рост развивающихся стран в 2024 и 2025 гг. составит 4% и 4,2% соответственно, в развитых – 1,3% и 1,6 %¹.

¹ «Темпы роста мировой экономики замедлятся до 2,4 процента – Новости ООН». [Электронный ресурс]. URL: <https://news.un.org/ru/story/2024/01/1448302> (дата обращения 25.03.2024).

В-третьих, в ускоренном движении к увеличению нематериального производства, особенно в развитых странах, базовые материальные потребности большей части населения уже удовлетворены. Это приводит к смещению акцентов с материального благосостояния на поиск смысла, самореализацию и устойчивое развитие, что меняет критерии демократического участия и оценку политической стабильности.

В-четвертых, современный кризис капитализма ассоциируется с увеличением экономического неравенства внутри стран, даже при общем росте их благосостояния. Например, как отмечает экономист и специалист по глобализации Б. Миланович [11], это может наблюдаться в значительном расхождении размера доли доходов от капитала и доходов от заработной платы. Такое неравенство может подрывать доверие к демократическим институтам и системам представительства, если большая часть населения ощущает, что их интересы не учитываются и ущемляются в пользу более богатых.

В-пятых, развитие технологий и переход к информационному обществу способствуют как демократизации (путем упрощения доступа к информации и облегчения участия в политических процессах через сети публичной политики и цифровые платформы), так и возможности подрывать ее основы через развитие механизмов массовой дезинформации, цифрового контроля, алиенации, алгоритмокрации, нарративов био- и нейроуправления (например, через нейролиберальные установки [12]) или надзорной «инструментальной власти» в коннотации философа Ш. Зубофф [13].

Наконец, в-шестых, стоит понимать, что посткапиталистические экономики характеризуются переходом к производству знаний, автоматизации и цифровизации. Эти технологические преобразования могут вести к усилению социальной изоляции, изменению характера трудовых отношений и снижению влияния традиционных трудовых коллективов, появлению новых социально-экономических классов (прекариат/когнитариат/салиариат/персоналиат/имперсоналиат и т.д.) что, в свою очередь, влияет на политические процессы и участие в них.

Постепенное движение к новой глобальной системе приводит к значительным изменениям в акторно-ресурсной основе политического процесса, что затрагивает как действующих участников политической сферы, так и их ресурсные возможности. В условиях цифровизации мы замечаем, как усиливают свои позиции не только традиционные акторы, но и всевозможные гражданские объединения, строящие деятельность на краудфандинге; локальные группы и неформальные сообщества социальных меньшинств, формирующие политические повестки, радикализующие вопросы идентичности, дискриминации и т.д. Сетевизация способствует тому, что постепенно морфология сетей ведет к переориентации на горизонтальные формы управления, способные объективизировать свои аксиологические матрицы в новых акторах (экологических движениях; технологических коллективах; децентрализованных автономных структурах (ДАС), ведущих свою деятельность на основе блокчейна и использования криптовалют; некоммунальных движениях; движениях за права ИИ и неперсональных акторов и т.д.). Не стоит также забывать и про медийных личностей и блогеров, чье влияние сегодня значительно растет в плане их возможностей крайне быстро набирать политический капитал и через это влиять на общественные процессы. Также возможна активизация интернет-движений, формирующих политическую повестку борьбы за свободу информации, свободное распространение ПО, отмену патентного права, интеллектуальной собственности, за цифровое невмешательство в частную жизнь, эффективный акселерационизм (Е/асс) и т.д. [14] Каждый из новых акторов будет способен на расширение политического спектра, идеологическую базу для которого не так сложно найти в мире, где доходы разных социальных групп все сильнее поляризуются, где появляются новые формы угнетения и дискриминации, а экономический рост снижается, практически, до нулевых пределов.

Ресурсная база политических акторов также постепенно меняется. Финансовые ресурсы рискуют в скором времени стать менее доминирующим фактором по сравнению с доступом к информационным технологиям, образовательным и культурным капиталам. Вероятно, возрастет значение дискурсивной власти – способности влиять на общественное мнение, формировать политические повестки и создавать инновации и новые идеологические ориентиры. При этом очевидные успехи в развитии научно-технического прогресса рисуют перспективы «технокорных» (technocore, от англ. «techno» – техно и «core» – ядро) ресурсов. Акторы, владеющие передовыми технологиями, будут иметь преимущество в формировании политического ландшафта, что может привести к появлению новых форм управления и взаимодействия с гражданами, например, через цифровую публичную политику и платформенные решения. В «технокорном посткапитализме» властью станут обладать субъекты, способные найти рациональную середину между утопическим техноориентированием и политическим реализмом пострыночной эпохи. Фундамент для этого общества закладывается

уже сегодня, когда технологии встраиваются в связи социальных сетей, становятся их актантами и сами определяют социальные действия без каких-либо идеалистических стимулов, желаний, потребностей, присущих только людям, при этом изменяя структуру и механизмы политики.

Помимо этого, энвайронменталистские инновации, а также способности создавать социально ориентированные технологии станут очень важны в политическом процессе, а ориентация на трансформацию политической тактики через интенсивное инвестирование в платформы и экономику знаний и совместного пользования, скорее всего, приведет к новым моделям социально ориентированного сервисного государства. Это подмечает политолог Н. Срничек. В «Капитализме платформ» [15] Срничек, скептически рассуждая об итальянском автономизме и современных леворадикально-либертарных движениях, исследует идею создания стоимости через коллективное сотрудничество, так называемые «affinity groups» и знания. Несмотря на противоречивость подобных пострыночных проектов, политолог все же видит их перспективными для политической борьбы с капиталом и преодоления капитализма.

Однако существуют угрозы того, что технологические корпорации, в погоне за экономическими привилегиями, будут вынуждены заключать взаимовыгодные союзы с государственными институтами, либо же конкурировать с ними за возможность определять облик новой цифровой эпохи, что спровоцирует политизацию надзорного инструментария над обществом, приведет к формированию «государства больших данных», постоянно обрабатывающего информацию о каждом своем пользователе-гражданине. Это, к слову, уже наблюдается в попытках оцифровки всех баз данных и подключения граждан к единым информационным порталам. Поэтому Н. Срничек позиционирует «данные» как один из основополагающих ресурсов ближайшего «платформенного» будущего, обеспечивающего не только высокотехнологичные корпорации, но и государство массивами информации, становящимися уже сегодня чрезвычайно ценным и доступным ресурсом в политическом маркетинге и надзоре (необходимо лишь уметь использовать прикладное программирование для их извлечения) [15].

Само государство как центральный политический институт, предположительно, уже оказывается в некотором дихотомическом положении в контексте своего статуса в политических процессах. С одной стороны, технологии сетей и «цифра» способствуют децентрализации власти: трансформация информационных потоков и возможность отслеживать «цифровые следы» обеспечивают другим акторам открытый и равноправный доступ к информации, что играет весомую роль в мобилизации общественных движений, преодолении цензуры, формировании общественного мнения, публичной политике. Тут политическая сетевизация должна выступать как элемент «встраивания» в основания современного производственного порядка. Но, с другой стороны, исчерпание возможностей рынка обеспечивать более или менее справедливое распределение благ подразумевает пересмотр отношений собственности, способов производства, распределения ресурсов и применения политических мер регулирования экономики. Это потребует от политической системы адаптацию к новым экономическим моделям, возможно, с большим акцентом на справедливость, устойчивость, коллективное благо, а также к новым формам имплицитной борьбы за ресурсы, что, скорее, связано с формированием постдемократических систем с политическим перераспределением, где либеральные политические права граждан несколько будут урезаны, а сетевые структуры станут «латентными» к политическим иерархиям нового вида¹.

Вероятно, усиление роли государства в будущих политических процессах, вопреки неолиберальным представлениям, выглядит более очевидным сценарием, но не гарантирует социализм по тем причинам, что неолиберализм уничтожил многие социальные основания политики и коммерциализировал их. Реальное сетевое государство, поощряющее коммунизм знаний и общественное пользование возможно лишь в условиях трека сервисного госстроительства. Попытка же перейти к неким подобиям социализма через упрощение политического процесса станет похожа на практики раздачи социально-политических рент и генерацию неопатримониальных политических структур, контролирующих население через цифровые платформы, что больше походит на неофеодализм, все чаще упоминаемый в новых политических теориях.

Подводя промежуточный итог, отметим, что обозначенные нами структурные изменения в политических процессах, отнюдь, не приобретают характер революционных. Массовые политические

¹ «Трансформация политических отношений в процессе взаимодействия сетевых феноменов и иерархических структур», 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatiya-politicheskikh-otnosheniy-v-protseste-vzaimodeystviya-setevykh-fenomenov-i-ierarhicheskikh-struktur> (дата обращения 26.03.2024).

события, ассоциирующиеся, прежде всего, с марксизмом и дискурсом преодоления капитализма, скорее всего, уже не свершатся (хотя сама марксистская методология исследований переживает ренессанс). Энергия развития современной общественно-экономической формации вряд ли приведет политический процесс к тому, что его основным актором станет прекариат, а следствием – уничтожение системы господства капитала через прекарную революцию. Однако это не значит, что посткапитализм наступит исключительно эволюционно и гладко. П. Турчин уверен, что властные тенденции капитализма довели современный мир до грани политического распада, а его шаткая стабильность находится в руках элит и групп интересов, как старых, так и только формирующихся [16].

Последнее, что следует рассмотреть в рамках данного исследования – это саму природу современного политического процесса, понимание которой несколько меняется. В работе «Читать Маркса» С. Жижека, Ф. Руды и А. Хамзы [17] поднимается вопрос о том, как изменяется структура и мотивация политических действий в условиях капиталистического кризиса. Авторы предлагают анализировать процессы и их структуры через категорию «сборки». «Сборка» отражает сложность, гетерогенность и динамичность политики. Эта метафора помогает понять, как различные элементы посткапиталистической реконфигурации политической системы взаимодействуют между собой, формируя уникальные комбинации, которые изменяются в зависимости от обстоятельств, контекста и участников. На примере восхождения Д. Трампа к президентской власти, авторы показывают, что электоральный процесс 2016 г. не был поэтапной программой, как в модели Г. Алмонда и Дж. Пауэлла. Наоборот, это была неустойчивая сборка гетерогенных элементов: популистского протеста против истеблишмента, протекции богатых путем снижения налогов, использования христианского фундаментализма и морализма. Иными словами, современные марксисты пытаются показать, что политический процесс структурно разлагается, как на взаимообусловленные, так и на спонтанные, бессвязные акты и феномены. Множественность участников, адаптивность и динамичность, постоянные пересечения и взаимосвязи, влияние технологий и интерпретация технологий как актора политики, воздействие глобального и локального – все является структурным элементом политического действия. Политико-управленческая «сборка» предполагает поиск новых форматов взаимодействия, инструментов управления и инновационных способов решения общественных проблем.

Таким образом, восприятие современного политического процесса как «сборки» подчеркивает его сложность, многоуровневость и изменчивость, требуя от всех участников гибкости, открытости к новым идеям и способности к сотрудничеству на различных уровнях. Исследовать же политические процессы становится более удобно через оптику акторно-сетевой теории (АСТ).

Прорезюмируем основные выводы. В силу преобразований в экономико-технологических основах современного общества, наблюдается поворот в сторону сетевизации политического пространства, демонтирующий прежние иерархические структуры и формы взаимодействий и порождающий новых политических акторов, источником организационно-политической объективации которых являются сети и цифровые технологии.

Классические акторы политики также претерпевают метаморфозы в плане ролевого и функционального предназначения. Государство, с одной стороны, терпит девальвацию политической монополии и соглашается на децентрализацию власти, но, с другой, условия капиталистического кризиса и социальные конфликты неравенства генерируют новые возможности для усиления роли политических элит и правительства в экономике и в частной жизни через перетекание дистрибутивной функции в руки политических акторов. С большой долей вероятности, неолиберальные противоречия приведут к возврату модели сильного государства и сворачиванию некоторых гражданских политических прав в обмен на политическое перераспределение ресурсов.

В политическом процессе появляются новые важные ресурсы, такие, как эксклюзивные доступы к информационным технологиям, образовательные и культурные капиталы, возможности дискурсивного политического управления и технокорные ресурсы (владение передовыми технологическими инновациями). Помимо этого, возникают и новые организационные ресурсы – проекты совместного пользования и легкого доступа к коллективным знаниям, которые важны в построении гражданского общества и борьбе с властью капитала. Также цифровая эпоха создала виртуальный эквивалент нефтегазовых богатств – данные, обладание которыми гарантирует, практически, безграничные возможности для акторов политического процесса.

Наконец, структурная природа политического процесса уже не может быть эффективно описана с точки зрения общепринятых в политологии динамических моделей. Мир гораздо усложнился, в первую очередь, с технологической точки зрения. Современные процессы – это «сборки» из акторов,

обстоятельств, феноменов, условий, контекстов, где любые, даже далекие от мира политики факторы могут повлиять на исход политического акта; где стимулы к действию не всегда являются социальными и осознанными; где большую роль играют факторы хаотичности и многоуровневости.

Таким образом, переход к посткапитализму происходит не только в области производительных сил, но и в глубинных преобразованиях социально-политических процессов.

Список источников

1. Бузгалин А. В., Колганов А. И. Капитализм, посткапитализм и креативная революция (критические размышления о статье Д. А. Давыдова) // Социологические исследования. 2022. № 9. С. 100–109.
2. Лоскутов Ю. В. Посткапиталистические проекты: онтология против идеологии // ДИСКУРС. 2023. Т. 9. № 1. С. 18–28.
3. Давыдов Д. А. «Другой» посткапитализм. Революция личности и новая антагонистическая общественная формация // Вестник Пермского университета. ПОЛИТОЛОГИЯ. 2021. Т. 15. № 2. С. 27–36.
4. Давыдов Д. А. Неоконченная дискуссия: к вопросу о принципах выделения общественных формаций // Антиномии. 2020. Т. 20. № 1. С. 75–103.
5. Хаскел Дж., Уэйстлейк С. Капитализм без капитала: Подъем нематериальной экономики, 2024. М.: Издательство Высшей школы экономики, 2024. 408 с.
6. Истон Д. Категории системного анализа политики // Антология мировой мысли. М., 1997. С. 32–36.
7. Алмонд Г. Сравнительная политология сегодня: Мировой обзор. М.: Аспект Пресс, 2002. 537 с.
8. Lipset S. Some Social Requisites of Democracy: Economic Development and Political Legitimacy // The American Political Science Review, 1959. Vol. 53, No. 1. pp. 69–105
9. Кастельс М. Власть коммуникации. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2016. 564 с.
10. Фергюсон Н. Площадь и башня. Сети и власть от масонов до Facebook. М.: Издательство АСТ: Corpus, 2020. 736 с.
11. Миланович Б. Капитализм и ничего больше: будущее системы, которая правит миром. М.: Издательство Института Гайдара, 2022. 400 с.
12. Соловьев А. Когнитивный капитализм и производство гиперневротичной личности // Inso-larance, 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://insolarance.com/cognitive-capitalism/> (дата обращения 26.03.2024).
13. Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма. М.: Издательство Института Гайдара. 2022. 784 с.
14. Мельников В. О. Интернет-сообщества как общественно-политическое движение: на пути к преодолению человека? // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. 2022. № 1 (6). С. 14–22.
15. Срничек Н. Капитализм платформ. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2021. 128 с.
16. Турчин П. В. Конец времен. Элиты, контрэлиты и путь политического распада. М.: АСТ (Мировой порядок), 2024. 432 с.
17. Жижек С., Руда Ф., Хамза А. Читать Маркса. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2020. 176 с.

References

1. Buzgalin A. V., Kolganov A. I. Capitalism, post-capitalism and the creative revolution (critical reflections on the article by D.A. Davydov). *Sociological research*. 2022;(9):100–109. (In Russ.)
2. Loskutov Yu. V. Post-capitalist projects: ontology against ideology. *DISCOURSE*. 2023;9(1):18–28. (In Russ.)
3. Davydov D. A. "Other" post-capitalism. The revolution of personality and a new antagonistic social formation. *Bulletin of the Perm University. POLITICAL SCIENCE*. 2021;15(2):27–36. (In Russ.)
4. Davydov D. A. Unfinished discussion: on the question of the principles of the allocation of social formations. *Antinomy*. 2020;20(1):75–103. (In Russ.)
5. Haskel J., Waystlake S. *Capitalism without capital: The rise of the intangible economy*, 2024. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics; 2024. 408 p. (In Russ.)
6. Easton D. Categories of systemic policy analysis. In: *Anthology of World Thought*. Moscow. 1997: 32–36. (In Russ.)

7. Almond G. *Comparative political science today: World review*. Moscow: Aspect Press; 2002. 537 p. (In Russ.)
8. Lipset S. Some Social Requisites of Democracy: Economic Development and Political Legitimacy. *The American Political Science Review*. 1959;53(1):69–105.
9. Castels M. *The power of communication*. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics; 2016. 564 p. (In Russ.)
10. Ferguson N. *Square and Tower. Networks and power from Freemasons to Facebook*. Moscow: AST Publishing House: Corpus; 2020. 736 p. (In Russ.)
11. Milanovich B. *Capitalism and nothing else: the future of the system that rules the world*. Moscow: Publishing House of the Gaidar Institute; 2022. 400 p. (In Russ.)
12. Soloviev A. Cognitive capitalism and the production of a hyperneurotic personality. *Insolarance*, 2021. Available from: <https://insolarance.com/cognitive-capitalism/> [Accessed 26 March 2024]. (In Russ.)
13. Zuboff Sh. *The Era of supervisory capitalism*. Moscow: Publishing House of the Gaidar Institute; 2022. 784 p. (In Russ.)
14. Melnikov V. O. Internet communities as a socio-political movement: on the way to overcoming a person? *Social and Humanitarian sciences: theory and practice*. 2022;1(6):14–22. (In Russ.)
15. Srnichek N. *Capitalism platform*. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics; 2021. 128 p. (In Russ.)
16. Turchin P. V. *The end of time. Elites, counter-elites and the path of political disintegration*. Moscow: AST (World Order); 2024. 432 p. (In Russ.)
17. Zizek S., Ruda F., Hamza A. *Read Marx*. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics; 2020. 176 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Д. А. Айрапетян – преподаватель кафедры политологии и этнополитики ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the author

D. A. Ayrapetyan – Lecturer at the Department of Political Science and Ethnopolitics, South Russian Institute of Management – branch of RANEPA.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 19.04.2024; одобрена после рецензирования 18.05.2024; принята к публикации 20.05.2024.

The article was submitted 19.04.2024; approved after reviewing 18.05.2024; accepted for publication 20.05.2024.